

[патьяна москвина]

страус – птица русская

[пестрые рассказы]
об искусстве и жизни

Татьяна Москвина

Страус – птица русская (сборник)

«Автор»

2010

Москвина Т. В.

Страус – птица русская (сборник) / Т. В. Москвина — «Автор», 2010

«Страус – птица русская» – сборник «пестрых рассказов об искусстве и жизни» от Татьяны Москвиной, известного журналиста, критика, прозаика и драматурга. Ее пристальный взгляд привлекли последние фильмы («Царь», «Алиса в Стране чудес», «Утомленные солнцем-2»), театральные и книжные новинки («Т» Пелевина, «Лаура и ее оригинал» Набокова), питерские пирожные и московские железные дороги, речи политиков и даже мясо экзотической птицы, появившееся на столичных рынках.

© Москвина Т. В., 2010

© Автор, 2010

Содержание

О чем шелестят листочки	5
Верните пирожные, гады!	5
Снежное шоу	7
Куда себя вести	9
Синдром Кронштадта	11
Фрейндлих-эффект	13
Москвина против Москвиной	15
Тоска по областной судьбе	17
О чем шелестят листочки	19
Сокол!	21
Воистину Октябрьская!	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Татьяна Москвина

Страус – птица русская

Пестрые рассказы об искусстве и жизни

О чем шелестят листочки

Верните пирожные, гады!

Если я люблю (а я люблю) эклеры фабрики «Север», это не значит, что я тоскую по тем временам, когда кремлевские старцы киванием дрожавших голов вводили войска в Афганистан. Почему-то считается, что советские ценности положено брать все вместе, как когда-то набор продуктов к празднику. Хочешь, чтоб дворники вернулись? – отрекайся от свободы слова. Желаете ребенка на лето сплавить в государственный лагерь? – опускаем железный занавес. Бесплатное образование понадобилось? – это у нас выдают только в связке с единым политднем и психушками за инакомыслие.

Ну почему?! А-у-у-а! – как пела Земфира.

Не хочу я менять свободу слова на корзиночку с кремом и повидлом, а хочу сперва насладиться корзиночкой с кремом и повидлом, а потом блаженствовать, распорядившись свободой слова.

А не получается.

По-моему, мало кто обращает внимание на удивительную национальную особенность: наши самые главные кондитерские предприятия не просто сохранились, но до сих пор живут под своими советскими именами. Фабрика имени Н.К. Крупской, «Север» и «Метрополь» в Петербурге, Бабаевская фабрика и «Ударница» в Москве. До сих пор можно купить старинные чудеса – «Мишку на севере», шоколад «Вдохновение», трюфели и монпансье. Кондитеры наши работают весьма достойно, одна беда – просматривается тенденция заменять старое новым по линии пирожных.

Ищу заветную корзиночку с масляным кремом – на прилавках какая-то гадость. Корзиночки с белковым кремом, например. Или с размокшей курагой. Господа, корзиночка из песочного теста с курагой не является пирожным! Это суррогат для бухгалтерш малых предприятий, которые решили с понедельника сесть на диету и во вторник закономерно ощутили глубокую грусть. В среду съедается вот это самое безобразие с курагой, после чего тоска становится уже непреодолимой, и в пятницу с криком «А пропади оно все пропадом!» в дело идет половина (лучший случай) торта «Прага».

Кондитерские изделия, пришедшие к нам вместе с демократией, не менее отвратительно-причудливы, чем она. У них идиотские названия – например, «Графские развалины». Может, кому-то и повышает аппетит мысль о том, что останки неведомого графа удачно выражены с помощью белкового крема, посыпанного хлопьями третьесортного шоколада. Мне нет. Я – принц Гамлет, герой драмы бытия, я желаю связать распавшуюся связь времен. Поэтому «Метрополь» – это булочки со сбитыми сливками, «Север» – это эклеры, буше, трубочки, «картошка» и венец творения, перл перлов – корзиночка! Почему к этому в нагрузку обязательна руководящая роль КПСС, я не понимаю. Уж конечно, товарищ Сталин не потерпел бы никаких «графских развалин» и при нем торжествовали бы исключительно корзиночки с кремом, может быть названные «Победа» или «Заря», неважно. Но я не хочу получить мои корзиночки

с таким обременением и робко интересуюсь, нельзя ли обрести свое скромное обывательское счастье как-нибудь полегче, без исторических мучений?

Я понимаю драму, которая происходит на наших кондитерских фабриках. Там сидят технологи, разумеется, «из бывших», потому что какие еще сейчас могут быть технологи, и тихо держат классический ассортимент – основу разумного и вкусного потребления. А к ним на голову сваливаются директора, разумеется, «из новых», потому что какие еще сейчас могут быть директора, и начинается петрушка, исчерпывающе охарактеризованная великим Мюллером Леонида Броневого: «Они все фантазеры, наши шефы, им можно фантазировать, у них нет конкретной работы». Новый директор начинает петь об инновациях, необходимых «в наше время, когда...». А в наше время женщины находятся в состоянии паники, поэтому сидят на диете и лихорадочно листают глянцево-журналы, дабы понять, что же нравится Тарантулу, без которого никак (пока) не получается плодиться и размножаться. И в консервативный кондитерский рай вторгается ад местного идиотского гламура.

Теперь важен не вкус пирожного, а то, что так волнует обезумевшую потребительницу, – как она/оно выглядит. Отсюда фальшивый блеск белкового крема, все эти бездарные и бессмысленные разноцветные обсыпки, затейливая форма при слабом и примитивном содержании и пр.

Ведь как выглядит эклер? Просто и прекрасно, как Петропавловский собор. Его нельзя улучшить, дополнить, потому что он совершенство. Эклер невозможно реформировать, его можно только воплотить в реальность, как платоновский эйдос, чистую идею вещей. Такова же корзиночка с ее классическими пропорциями теста, джема и крема. Подменить хоть один компонент в этой композиции – все равно что поменять колонны у Исаакиевского собора. Но как раз над классикой сегодня и принято издеваться, и деструктивные тенденции культуры постепенно доползли до невинного оазиса чистейшего профессионализма, до кондитерского рая, где до сих пор не баловались преступным авангардизмом!

Вот – начали. Хожу по городу, ищу свою корзиночку, напоминаю сама себе питерского сумасшедшего, который входит в магазин военторга и спрашивает, в каком году вышли «Четки» Ахматовой. Нет, они, мои любимые пирожные, еще есть, как еще есть всё хорошее на этом свете, но, чтоб его отыскать, требуется особое «грибное счастье», то есть удачливость в находке, интуиция, фарт...

Главное, какую малость ищет человек! А вот. У нас такая земля, что хорошее малое обязательно связано с большим гадким. Никак не добиться автономии.

Хожу и шепчу сердито:

Закрты мне в космос дороги,
И райский проект на земле
Свернули бессильные боги
И скрылись на помеле.
У двери гламурного ада
Кричу я в бесстыжие рожи:
«Отдайте пирожные, гады!

Снежное шоу

Я прекрасно помню, как в школе нам рассказывали о жизни древних людей, которые так страшно боялись природы, что рьяно поклонялись ей, для чего были выдуманы разнообразные боги.

Рассказ велся в тоне ласковой беззлобной насмешки над несчастными, у которых в их глухое первобытное время просто не было альтернативы. Они не знали, что поклоняться надо не природе, а товарищу Ленину, товарищу Сталину и коммунистической партии.

Действительно, товарищ Ленин с товарищем Сталиным и коммунистической партией являлись таким стихийным бедствием, что перед ним померкли все старомодные природные катаклизмы. Ни одному землетрясению, ни одной чуме и холере не удалось ликвидировать столько народу, сколько удалось строителям коммунизма.

Но вот Отечество вышло на новый виток своего беспримерного развития в никому не известном направлении. И поведение архаических народов, трепетно обожествлявших природу, как-то явно придвигается все ближе и ближе.

И не только к Отечеству.

Смотрю новости, как пишут на секунд-хендах, – «из стран Европы». Там ударил снегопад. И вдруг вижу до слез знакомые картинки: переполненные вокзалы с ревущими детьми, усталые замученные люди, оружие в телекамеры на произвол чиновников, согбенные фигуры, еле бредущие из-под очередной катастрофы...

Батюшки-светы! Сделать из России Европу вряд ли когда-нибудь получится, но сделать из Европы Россию – легче легкого! Один хороший снегопад – и все дела. И мигом сдувает с гладких лиц мелкобуржуазную заносчивость и демократическое самоупоение. Вот, оказывается, что отличает русские лица – печать страдания, так ее нетрудно поставить на любое человеческое лицо.

Поторопились мы выбросить на помойку древних богов. Нынешней зимой, когда состоялось выдающееся «Сноу-шоу» – снежное шоу какого-то космического Славы Полунина, – эти боги ох как пригодились бы.

Господа, вы бы знали, как я надоела сама себе за десять лет, что я твержу: дворников нет, нет, нет. Это беда, да, да. Не надо строить долбанных башен и небоскребов, а надо город убирать, мать, мать. Я, может, хочу писать о любви бедной Лизы к неверному Эрасту, а не вопить, как некормленный попугай, об одном и том же. Цитирую свою статью, опубликованную два года назад: «Я утверждаю как пешеход: ни в Москве, ни в Петербурге не убирают как следует улицы. А чаще всего их не убирают вообще, особенно в зимнее время. Благодаря изменению климата, выражающемуся в четкой чередой оттепелей, идет некая самоочистка городов. Но если бы этой “милости к падшим”, то есть череды оттепелей, не было, страшно представить, что бы началось».

А вот уже и не «страшно представить» – все сбылось. Материализовалась потрясающая картина полного отчуждения граждан от собственной жизни, от своей вроде бы страны, от своего родного города. Даже такой положенной нам естественной малости, как дворники, мы – десятилетиями! – добиться не можем.

Господа, у нас народовластия (демократии) сейчас меньше, чем в XVII веке.

Мы имеем примерно то же самое государственное устройство: царь рассылает воевод на кормление по своему указу и снять воеводу можно тоже только по его милости. Но в XVII веке в Москве была городская дума, и там заседали выборные от всех сословий, «от всех чинов народа». Эти выборные жили и работали на своих местах, время от времени собираясь в думе решать существенные вопросы. Решив их, они возвращались к себе, в свое сословие, в обычную жизнь.

А кто сидит в наших городских думах? Там что, есть полномочные представители учителей, врачей, военных, бизнеса или студенчества? Они живут обычной жизнью в своих сословиях? Да они мимо проезжают на большой скорости. Живут отдельной, обособленной жизнью. Кроме слабой надежды на чью-то личную совесть, у граждан-горожан ничего нет. Никакого инструмента влияния! Разве древним богам взмолиться, чтоб пощадили и остановили «Сноу-шоу»...

А взмаливаться как раз и не надо – это будет на руку лжецам и бездельникам, которые мило пользовались теплыми зимами, чтоб тырить деньги на благоустройство и спокойно ковырять в носу. Нет, спасибо матушке-природе за то, что в своем «Снежном шоу» она наглядно показала наших «артистов» во всей красе нерукотворной. Чего стоят их слова и обещания. Каков их «талант руководителя».

Это за столько лет не додуматься привлечь в Петербург рабочую силу из России, из города из Муромы и из села Карачарова, где есть еще здоровые трудолюбивые люди, не продумать грамотную систему их поощрения, не усовершенствовать инвентарь, не посоветоваться с учеными, нет ли каких в цивилизованном мире технологий уборки северного города...

Да зачем. Ведь все это: грязные сугробы в человеческий рост в историческом центре, сосульки-убийцы, тысячи сломанных на голом льду рук и ног, транспортный коллапс – «временные неудобства».

Это у нас такой устойчивый термин. Закрыто движение, прорвало трубу, нет отопления, погасло электричество – «временные неудобства». Превратили красивейший город в помойку – «временные неудобства». С 2002 года в ремонте, улицы взрыты, дома в лесах беспросветно и бесконечно – «временные неудобства».

А когда оно будет-то – «постоянное удобство»?

Да оно уже есть. За заборами. В усадьбах «цивилизации для начальников» – там и свет не гаснет, и трубы не рвет, и ремонт как начат, так и закончен, а не длится вечно.

Нас же, терпил, «вечное удобство» по мере личных заслуг ожидает на небе, как обещает патриарх Кирилл, человек солидный и ответственный. Так что потерпим уж немножко эту нашу русскую жизнь, которая и сама-то вся есть не что иное, как «временное неудобство».

С будоражащими вкраплениями грозных шуток матушки-природы вроде нынешнего «Сноу-шоу».

Куда себя вести

Во многих отелях мира теперь висит ободряющая надпись “No Russians”. Без русских. Это приманка для цивилизованного мира, не желающего терпеть рядом с собой, по крайней мере во время отдыха, людей нашей с вами национальности.

Обидно? Честно говоря – ужасно. Главное, мы-то с вами, приличные граждане, оказываемся без вины виноватые. За что гонят? За что унижают?

А вот как окажешься за границей и посмотришь на некоторых «своих» – да-да...

Что и говорить. Осрамили «свои» своих же на целый мир. Русские – это агрессия, хамство, коррупция, нежелание считаться с правилами общежития. Некрасивые, грубые формы поведения. Своим варварским вторжением в чужой быт русские сумели, например, так оживить британскую музу, что в Англии снят уже добрый десяток картин, где главные антигерои – русские. В Лондоне проживают уже сотни тысяч наших соотечественников, и многим из них невдомек, что не все в мире приобретается за деньги. За деньги вообще можно приобрести очень ограниченное количество вещей, и чем сильнее развита национальная культура, тем этих вещей меньше. Вот хладнокровные англичане и потеряли терпение – криком кричат на русских, прямо в лицо: достали! надоели! (Правда, русскими в мире традиционно считаются все выходцы из бывшего СССР, но не будем мелочиться.) Приятно нам это, спрашивается?

Таковы уж мы, людишки, – вроде бы каждый сам по себе, однако всякая компрометация множества почему-то задевает и личность. Вот я – казалось бы, второй такой не найти, – а попробуй скажи при мне, что у женщин извилин меньше, чем у мужчин! Да я до прокурора Чайки дойти могу!

Так и с русскими: мало иметь только свою индивидуальность в красивом развитии, хочется еще и принадлежать к красивой и почтенной национальной общности. Никита Михалков, скажем, давно страдает этой мечтой и творчески вертится так и сяк, чтобы подчеркнуть и укрупнить в своем национальном множестве приятно-поэтические черты. Но мы, суровые и мрачные аналитики, не можем так роскошествовать.

Печаль в том, что в отношении поведения существуют два типа русских людей: культурный и бескультурный.

Культурный тип русских почти что ничем не отличается от европейского человечества, кроме, может быть, слишком сосредоточенного выражения лица. Культурный русский всегда немного насторожен и слишком внимателен: он как раз изо всех сил хочет вписаться в чужие правила. Он знает иностранный язык, а то и несколько, он прилично, к месту одет, он не хочет ронять себя, он четко воспринимает окружающее и видит себя со стороны. Он не орет, не жульничает, не включает музыку на полную мощь, не мусорит, не хамит, не расхаживает с важно-бандитским видом – дескать, мы вам еще покажем!

(А что там еще показывать – все уже показали.)

Впрочем, всего этого культурный русский не делает и на родине.

А бескультурный тип русского выезжает за границу, как правило, с одной мыслью: у вас тут все за деньги, а у меня их куча, ваших денег-то, так что молчите и шевелитесь, вы, дескать, от рождения уже черту запродали, а я продал душу желтому дьяволу только позавчера и желаю теперь по своей воле погулять. Причем насколько велика эта куча – неважно, важно самоощущение.

Культурные русские вывозят за границу свою какую-никакую, но несомненную культуру. А бескультурные – свое бескультурье. Драматизм положения в том, что первые составляют 15 % от общего числа бывающих за рубежами, а вторые – 85 %. Может быть, таково же их соотношение и в родном ареале обитания.

Захватывающе интересная картина получается, когда и те и другие оказываются, будучи за границей, в одном ресторане.

Культурные, как правило, сидят вдвоем, много если втроем. Бескультурные любят роиться толпами. Вместе с ними в пространство входит тревога, передающаяся официантам. Что-то начинает вращаться в воздухе, как будто в помещение ворвалась стая невидимых, но очень крикливых птиц. Культурные видят бескультурных и делают насмешливое страдальческое лицо, обдумывая, как бы теперь скрыть перед обслугой, что они тоже русские. (Вообще мы дожили до такого стыда, что главное счастье культурного русского – это когда его принимают за русского. Значит, совсем похож на человека!)

Бескультурные не замечают ничего. Не видят и не слышат сами себя. Визжат, матерятся, гогочут, порываются петь, сияя самым отборным, самым пуленепробиваемым самодовольством...

Вот повезло мне, сижу на Лазурном Берегу у Марианны Францевны, так сказать, в гостях. В царстве «голового чистогана» есть множество мест общего пользования (пляжи, скверы). Там нет платных излишеств, но все пристойно и чисто. Вижу, слышу: ну никто не вопит так страшно на детей, как у нас дома, не включает музыку (вообще не принято – нельзя беспокоить окружающих), не бросает отходы куда попало. Это же его берег, его море, он завтра опять сюда придет – ну человек и ведет себя разумно. Стараясь получить удовольствие не вредя природе и людям.

И вспоминаю я родные озера – заваленные тоннами мусора, загаженные этими их мерзотными «шашлыками» и продуктами переваривания оных шашлыков, с жутким, на километры окрест гремящим музоном, с воплями, матом и гоготом... Чудовищное бескультурье. С которым никто не борется!

Ни телевидение, которое непрерывно развлекает бескультурных русских монстров (вот будто они у нас так сильно перетрудились, что их беспрестанно развлекать надо!), ни радио, ни одна газета или журнал, никто!

Пусть мы выигрываем спортивные соревнования и конкурсы красоты, пусть наши политики все увереннее себя чувствуют на мировой арене, пусть наши певцы и танцоры удивляют талантом, положи руку на сердце, скажите: разве в массе своей мы хороши? Мы друг другу нравимся? Встречая своих за границей, мы рады?

Да, окультуривание масс – дело сложное и требующее времени, но ведь «путь в две тысячи ли начинается с одного шага», и надо же этот шаг сделать. Вот вы, читатель, и начните. Если вы сами себя воспитали, не проходите мимо бескультурья, делайте замечания! Иногда достаточно вовремя пристыдить варвара – и в нем начнется божественный процесс различения себя и своего поведения со стороны.

Еще Моисей поучал евреев: гадишь возле стойбища, возьми лопатку и закопай.

Слышишь, рожа бескультурная, – лопатку возьми и закопай! И музон свой выключи – он нам не нравится.

И на детей не ори – может, из них еще получатся приличные люди.

При которых надпись “No Russians” исчезнет из мира – навсегда.

Синдром Кронштадта

Странные вещи творятся на свете – например, борьбу с коррупцией объявили в России, а осуществили почему-то в Америке. Пока наши торжественно толкли воду в ступе, считая, видимо, что провозглашение с экрана ТВ борьбы с коррупцией и есть борьба с коррупцией, в Америке просто взяли да и повели десятки голубчиков в наручниках (а среди них были мэры городов и главы религиозных общин) в тюремную перевозку. И я хотела бы обратить внимание читателя на то, что борьба с коррупцией – ЭТО ИМЕННО ВОТ ЭТО. Так что пока я не увижу впечатляющую стаю начальников в наручниках (а вдруг среди них окажется...?! а вдруг?! – нет, остановись, моё мечтание, каким величием бредишь ты!), верховное толчение воды в ступе буду воспринимать как положено, то есть как бессмыслицу.

Но сегодня речь не об этом. Жутко надоели все эти врущие и ворующие обезьяны. Хочется о прекрасном – например, о Кронштадте.

Вы были в Кронштадте?

Большинство петербуржцев никогда не были в Кронштадте.

Ну, это ничего. Не страшно. Ведь большинство петербуржцев очень много где не были (скажем, в Русском музее или в БДТ), но это никак не означает, что все места, коих не посетил большинство петербуржцев, надо так вот сразу и демонтировать. Спокойно, администрация!

Наш человек – он мечтать любит. Ему нравится, что где-то там что-то есть. Где он не был, но вообще-то может оказаться. Ведь счастье, несомненно, таится вдали, в сизой дымке Несбывшегося, которое неведомо большинству. Совершенно невероятно, чтоб счастье было там, где толпится большинство, не правда ли?

Особенной любовью просто блоковской силы и чистоты наш человек любит Кронштадт.

В хорошую погоду, когда таинственный остров четко виден с берега залива, девяносто девять человек из ста, пребывая в Сестрорецке или Репино в маниакальном состоянии, известном в Петербурге как попытка отдохнуть, смотрят на водную гладь, отыскивают глазом заветные очертания, отчего-то вздыхают и говорят полупшепотом: «Вот... А там – Кронштадт...»

В плохую погоду те же девяносто девять человек замечают с особенным чувством, что Кронштадт сегодня не виден.

Если рядом выявляется профан, то ему горячо втолковывают, что в хорошую погоду там – во-о-он там – виден Кронштадт. Профан ничего не понимает, но на всякий случай одобрительно кивает головой. С питерскими – лучше повежливей. Этому-то мы Расею выучили...

Но погодите записывать «синдром Кронштадта» в реестр питерских причуд. Нет, дело тут серьезнее. Проблема того, виден или не виден сегодня Кронштадт, явно проходит по ведомству метафизики. Проще говоря, этот район Санкт-Петербурга – самый загадочный. Я, скажем, ценю бюргерскую закваску Васильевского острова, современную психованность Петроградки или советскую эклектику Фрунзенского района – в этих местах живала подолгу. Однако Кронштадт для меня – это нечто особое, это вестник Тайны.

Иоанн Кронштадтский... Кронштадтский мятеж... Но вовсе сразило меня недавнее дело, прогремевшее из Кронштадтского суда на всю страну. Вот что произошло.

Бывший офицер запаса Павел (его фамилия в разных источниках звучит по-разному – Морозов, Снегов, Студенов, из чего я заключаю, что в реале он Зимин) познакомился с жительницей Кронштадта гражданкой Еленой (ее называют то Козловой, то Барановой) с целью... с известной целью.

Оставив избранника утром в постели и поспешив на работу, Елена по возвращении не увидела ни его самого, ни борща, ни пачки пельменей, ни сосисок, ни пятисот рублей, ни фамильной иконы Владимирской Божьей Матери. Из чего возбудилось дело, завершившееся

благополучным отысканием офицера запаса, а также краденной им иконы. О борще и пельменях речь не велась, хотя именно они придавали всей истории щемящий привкус трагикомедии.

До какого тоскливого кошмара, до какого разложения души должен был дойти «офицер запаса», чтоб украсть у женщины, с которой он провел ночь, пельмени, остается только догадываться. Что ж, стилистически наш офицер вполне вписывается в свое время и в свой мир – в мир оборотней, где инкассаторы грабят собственные банки, в которых служили десятки лет, а милиционеры расстреливают в супермаркете тех самых граждан, которых обязаны защищать от бандитских нападений. Эту баланду мы хлебаем суповой ложкой, и тут ничего удивительного нет.

Удивительное случается в зале суда! Краденая икона оказывается старинной и дорогой и, как положено, начинает творить чудеса. Женщина Елена прощает непутевого Павла, и дело закрывается вследствие примирения сторон. Некрасивая, постыдная история совершенно неожиданно выворачивает в сторону света и вместо гримасы легкого отвращения творит на лицах зрителей ласковую улыбку!

Мы же понимаем, что пережила Елена и что переживают сотни тысяч ее сестер в этих безнадежно банальных типовых ситуациях. Как пела ее душа, как она ликовала, мчась на работу, и как отчаивалась и убивалась потом. Оскорбленная женщина жаждала мести – и вот строгой походкой в жизнь вошел закон, завертелась машина возмездия, и месть, казалось бы, явилась в полном и грозном блеске. Но! Тут вмешался Кронштадт. И свершил маленькое чудо.

Зашуршало невидимыми крыльями то, перед чем даже закон склоняет голову. Она простила его... И постыдная, унылая бытовуха превратилась в забавную и милую сказку. Намечалась гадость – а получилась радость. Собрались тучи – и прошли стороной... Вот бы всегда так.

Или хоть иногда, но почаще.

Ладно, хватит кропать почеркушки, поеду-ка я в Кронштадт, погуляю, поговорю про себя с душой тех мест.

Кронштадт, таинственный остров! Прелей во все стороны хоть немного разума и милосердия, и пусть тебя будет видно с любой стороны русского света... И пусть все дурацкие истории, которые завершаются в судах за примирением сторон, назовут, по прецеденту, синдромом Кронштадта!

Фрейндлих-эффект

Многие мои друзья встретили мировой экономический кризис традиционным питерским лозунгом «Не жили богато, не... привыкать», и действительно, если кого и можно удивить житейскими передрыгами, то никак не питерского обывателя. В конце концов, в городе проживает более ста тысяч «детей блокады», а у них ведь тоже есть дети, которые много слышали о том, что такое настоящее горе и подлинный ужас и так далее. Идет по цепи память о необычайной ни в каких временах катастрофе. Блокаду пережили, подумаешь, кризис!

Я отчего так хлопочу о Петербурге? Оттого, что это самый прекрасный и самый несчастный город на земле. Такого сочетания красоты и страдания нет нигде. И мы все-таки, несмотря ни на что, должны выстрадать для своего города лучшую долю. Пусть мифы о ленинградцах-петербуржцах, которые до сих пор существуют в России – что они самые вежливые, воспитанные, культурные, свято чтящие прошлое, понимающие ценность старины, бескорыстные и т. п., – не соответствуют реальности. Наша задача не в том, чтобы осуществить идеал, а в том, чтобы к нему двигаться.

В Петербурге существует явный источник, порождающий такие умонастроения, – источник идеализма. На первый взгляд его не различить. Однако он действует. Это источник постоянного излучения неких духовных токов высокого напряжения. Именно они отражают попытки мещанского огламуривания Санкт-Петербурга, настраивают многих людей на сопротивление подлым и пошлым обстоятельствам, провоцируют настоящее творчество. Эти токи высокого духовного напряжения излучают в Петербурге всего-навсего несколько сотен людей. Горстка! А результат удивительный.

Я всех этих людей не знаю. Но один источник излучения мне известен давно, как известен он всему просвещенному Петербургу. Да стоит лишь один раз увидеть ее и услышать, чтобы понять – Алиса Фрейндлих не просто актриса, чудесная и замечательная, не только самый настоящий почетный гражданин Петербурга, «блокадный ребенок» и символ интеллигентной женщины-петербурженки. Это какой-то передатчик волн между небом и землей. Поэтому феномен частичной сохранности настоящего Петербурга я предлагаю назвать по имени этого передатчика – «Фрейндлих-эффект».

Фрейндлих-эффект и в том, что у нас в Питере категорически не принято хвастаться богатством, и все наши нувориши отчаянно скрывают доходы, а если приходится демонстрировать хоромы, как правило, делают это с извиняющимися лицами. И в том, что, испортив в историческом центре многое, погубили все-таки лишь малую часть, поскольку процесс уничтожения Петербурга тормозился как снизу руганью недовольных, так и сверху каким-то подобием совести в тех, кто принимает решения. (Могу указать на Веру Дементьеву, председателя охраны памятников, как полностью замученную Фрейндлих-эффектом.) Наши театры работают неровно, однако в городе нет ни одного гнилого, черного театра, транслирующего разложение сценического искусства, – кроме, конечно, Александринского театра. И вообще, всякий раз, когда я встречаю случаи высокого профессионализма, почти не связанные – увы! увы! – с денежной компенсацией, когда вижу писателей, за мизерные деньги пишущих великолепные книги, музыкантов, каким-то чудом поддерживающих честь своего искусства, да просто смотрю на театральную публику в зале, на их по-питерски бледные, грустные и светлые лица, то вижу все тот же неумолимый, мощный Фрейндлих-эффект.

Работаем, излучаем! И вот волосатая лапа, тянущаяся украсть, как-то замирает. Она, конечно, все равно украдет. Но хотя бы хвастать не станет украденным и не будет утверждать, что так и надо. Что, мол, «все такие».

Да нет, харя твоя воровская, не «все такие». Человек может быть очень высоким существом, если каждый день выбирает не то, что пониже, а то, что повыше. И это стремление быть

выше, лучше и чище мы по праву можем и должны называть по имени одного из самых мощных источников питерского излучения «токов идеального», то есть, как и было предложено мною, специалистом-петербурговедом, – «Фрейдлих-эффект».

Который вносит удивительно приятную путаницу в картину национальной деградации.

Москвина против Москвиной

Обратились тут ко мне люди из движения «Живой город»: подпишу ли я воззвание, призывающее граждан на митинг против строительства башни Газпрома на Охте. Конечно, говорю, подпишу, да и на митинг приду, ведь, как известно, революция – это праздник трудящихся и угнетенных.

Пришла. Полюбовалась на порядочных людей в большом количестве. Однако была сильно удивлена составом выступавших. Среди них оказался поэт Кушнер, только что воспевавший Валентину Ивановну в оде на открытие Дома Союза писателей, и даже историк Лев Лурье, который пять лет кантовался на губернаторском телевидении в полном шоколаде! Хотя что удивляться. Благодарность – элитарное свойство людей высшего типа, а в шайках такого не бывает. В шайках один закон – сдавай подельника, пока он тебя не сдал... Да, видимо, какие-то неизвестные нам, простым смертным, ветры задули против башни, если даже придворная челядь пошла вдруг протестовать. Скорее всего, Охта-центру кранты.

Но, как всякое бесовское порождение, эта треклятая башня просто так уйти из сознания Петербурга не может. Она еще способна намотить много воды. «По башне» наметился раскол среди, как говорится, работников культуры: одни обращаются к президенту и гражданам, высказывая свое неприятие «четырехсот метров бесстыдства», другие, напротив, делятся жаждой увидеть еще при своей жизни этот символ эффективного менеджмента. Причем в сонме противников башни – писатель Татьяна Москвина (это я), а в бригаде сторонников – тренер по фигурному катанию Тамара Москвина, то есть Москвина против Москвиной получается!

По этим пиар-технологиям остается еще найти другого Гребенщикова, другого Басилашвили и другого Битова, чтоб совсем запутать граждан и внушить им, что, так сказать, на каждую вашу несогласную Москвину у нас найдется своя согласная Москвина.

Но мне совершенно не хочется воевать с Тамарой Москвиной – почтенным и уважаемым человеком. Я не знаю, по каким мотивам она подписала чужой бездарный текст, расписывающий прелести газпромовской башни. Но догадываюсь. По тем же самым мотивам когда-то талантливый Товстоногов ставил жуткие спектакли про Ленина, великие актеры читали по телевидению «Малую землю» Брежнева, выдающиеся композиторы сочиняли кантаты и оратории, славящие партию, и т. д. У власти всегда есть рычаги воздействия на деятелей культуры. Но шло время. И что осталось от той власти и тех деятелей?

Только то, что было сделано от души и по совести. А все спектакли, оратории, фильмы и книги, сделанные по указке, провалились в небытие. И всё, что сделано не по совести, а по приказу, из корысти, из страха, из конформизма, – всё это стремительно несет человека в забвение. И очень часто в это забвение обваливается и то хорошее, что человек успел сделать.

Я, конечно, пишу это не для спящего сознания Татьяны Булановой, которая у нас теперь на телевидении рассказывает о событиях культуры, с трудом вспоминая, что ей там редакторы понаписали. И не для Александра Невзорова, которого двадцать лет по инерции называют журналистом, когда он давно стал профессиональным любителем денежных знаков.

Если эти и другие лица, к примеру, завтра навсегда улетят на Луну, культура наша ничего не потеряет. Но среди тех, кто подписал письмо, одобряющее башню Газпрома, есть действительные авторитеты, и это люди немолодые.

Надеюсь, здоровье их крепкое и им не понадобится в ближайшее время попасть на обследование с помощью томографа – прибора, сканирующего состояние головного мозга. Ведь в таком случае они бы узнали, что подобных приборов в городе три, на них тысячные очереди. Не дай бог им придется задуматься: а кстати ли в городе, где три томографа, строить не нужную никому башню в четыреста метров? И что такое «деньги Газпрома» – уж не наши ли это деньги,

полученные от эксплуатации общего национального достояния, очень тихо, мило и начисто отобранные у нации «эффективными менеджерами»?

В Интернете подписавших письмо за башню награждают такими эпитетами, что жутко делается. Надо же было до такого состояния довести психику города и особенно молодежи! Надо же было проявить столько бездарности именно по части пиара, чтоб не суметь объяснить даже немногие положительные стороны своей политики и вызвать нутряную неиссякаемую ненависть!

Ведь не башня сама по себе вызывает эту ненависть, а весь порядок несправедливой жизни, где нет даже уголка справедливости. Здесь инкассаторы грабят собственные банки, милиционеры за просто так убивают граждан, а хранители музеев воруют охраняемые экспонаты – да что мне кудахтать, вы разве сами не знаете? И вот крошечный «культурный слой» этой жизни, чайную ложку «сливок», которую удалось наработать, – и ту хотят расплескать, расколов интеллигенцию, загрузив чертовыми лапами репутацию творческих людей. Теперь разве я могу со спокойной душой пойти в новый театр Бориса Эйфмана, когда и если он откроется? Нет. Теперь, когда Эйфман подписал письмо за башню, я буду думать о нем не как о талантливом творческом человеке, а как о марионетке самозванцев, губящих Петербург. Я этого не хочу, но думать иначе я не смогу.

Но положимся на всеисцеляющее время... Может быть, «раскол по башне» станет уроком для работников культуры и приучит их следить за репутацией, не поддаваться на посулы тех, кто им не друг на самом деле, а лютей враг. Может быть, шизофреническая ситуация в сознании Петербурга, когда Москвина оказалась против Москвиной, сгладится, отболит, исчезнет. Может быть, как поется в романсе, «минует печальное время, мы снова обнимем друг друга»! Но это произойдет не раньше, чем идея мерзопакостной башни – памятника беспримерному в мировой истории воровству! – навсегда улетучится с трагических берегов Невы.

Тоска по областной судьбе

Разговорам о том, что с городом на Неве «что-то не так», что он стал «великим городом с областной судьбой», уже почти четверть века. Но оглядываясь теперь туда, в перестроечный Ленинград, думаешь с русской тоской, обогащенной петербургским синдромом: эх, пожить бы хоть денёк в виде культурного отдыха там, в «областной судьбе»!

Там детишки играли себе без присмотра на улицах, очищенных дворниками. Минимальная зарплата была 70 рублей, а квартплата – что-то смешное вроде 2 рублей. Медицина и образование были реально бесплатными. Русскую классику издавали тиражами в полмиллиона экземпляров. На эстрадах этого города пели Хиль и Пьеха, а в подполье – Гребенщиков, Цой и Кинчев. Дикция и речь ведущих были нормативными, то есть образцовыми. Тем более что Ленинградское телевидение вещало на всю страну. Да, тогдашнее начальство было чудовищным, а газеты – нечитаемыми, но как раз этот параметр «кодекса времени» ничуть не изменился...

(Ценили мы это? Разумеется, нет. Что мы были бы за люди, если бы умели ценить действительность! С ужасом предполагаю, не будем ли мы лет эдак через двадцать так же рыдать по бесконтрольному Интернету, частной собственности и свободным поездкам за границу?)

Что такое из себя представляет нынешний Санкт-Петербург, сказать трудно. Могу нарисовать разве такой образ-сравнение: представьте себе, что из белого лимузина вылезает господин во фраке с орхидеей в петлице, при этом он в грязных подштанниках, небритый, помятый и босиком. Этот господин одновременно плачет, ругается, декламирует стихи, просит милостыни и утверждает, что он из царской семьи, внук Ленина, гражданин мира и человек будущего... Во всяком случае, проклятие «областной судьбы» этот господин, конечно, преодолел. Скромная, расчетливая провинциальная жизнь явно не для него.

С 2003 года в Петербурге утрачен здравый смысл. Здесь возобладали дилетанты и прожектеры, аферисты и рвачи. В результате под безумные проекты нарыто котлованов на миллиарды, и ничего не построено, и не будет построено. Город лишился телевидения, и в этом традиционно обвиняют Москву. Но Москва ли виновата в том, что некие господа два раза с размахом обновляли вещание, а потом выяснилось, что оно по-прежнему никому не нужно, и вдобавок оказалось, что куда-то в лихорадке обновлений делась доля города в акциях Пятого канала?

Где эта доля? Где теперь архив Ленинградского телевидения? Кто персонально виноват в том, что здание на *Чапыгина 6* стоит пустое?

Допустим, я это знаю, ну и что? Какая мне радость, если провидение будет медленно и долго наказывать этих корыстных гадин? Ведь наказание приходит так неспешно, что настигает совсем не тех людей, которые грешили. Пока там Высший суд разберет дело, пока оно поступит в Главное управление исполнения наказаний – глядишь, прошли годы, и божий пристав является не к бодрому грешнику, а к побитому молью старичку. «В таком-то году украл, предал? Вот вам по исполнительному листу рак желудка». А ему уже и так по законам физиологии положен рак желудка. В общем, никакого удовольствия.

Меня по роду занятий тревожат не пропавшие миллионы, а судьбы талантливых людей. Неважно у нас они складываются. Пропитаны одиночеством и горечью, окружены равнодушием. Вот прогремел на весь мир Эдуард Хиль со своим «Тро-ло-ло». Это забавный финт, но вспомним, что Хиль прославился здесь, в Ленинграде, где были возможности для старта эстрадного певца. Сейчас никаких таких возможностей нет. Меня часто приглашает на маленькие концерты певица Татьяна Долгополова (пять октав в диапазоне), а я стесняюсь идти – не могу помочь, не имею никаких выходов ни на радио Петербурга, ни на телевидение, нет никакого

окна, куда я могла бы выкрикнуть: ребята, у нас сейчас есть потрясающая певица, бегите, слушайте, передавайте из уст в уста радостную весть о таланте...

В Театральной академии гремит выпускной курс Григория Козлова. Потрясающие дети – умные, чистые, вдохновенные – играют первую часть «Идиота» Достоевского, «Старшего сына» Вампилова, «Сон в летнюю ночь», на них сбегается оставшийся в живых театральный Петербург, всем ясно: родился новый прекрасный театр, который пьешь, как клюквенный морс в жаркий день, глоточками, в полном счастье. Но кто ж это озаботится здесь рождением нового театра, когда старые-то девать некуда?

В проклятом марте, который теперь не «первый месяц весны», а месяц кошмаров и катастроф, умер выдающийся поэт – Елена Шварц. Автор десятков поэтических книг, переводчица множества книг, известная всем любителям поэзии у нас и за рубежом. Ни одного сюжета по ТВ, ни одного некролога в местных газетах и инет-порталах. Не знают, не интересно, не важно. Москва знает – Петербург нет! На портале «Культурная столица» («Фонтанка.ру») 15 марта красовалась списанная с РИА «Новости» скупая информация о том, что-де умерла Елена Шварц, и время и место погребения неизвестны, а уже мы Елену отпели и похоронили... Безграмотные редакторы этой «Культурной столицы» не знают даже, кому позвонить, чтоб написать вменяемый некролог, дать интервью, процитировать самого поэта. Фантастика этот портал вообще – в разделе «Книги» за полгода нет, к примеру, почти ни одного сообщения о каком-либо питерском писателе или событии питерской литературной жизни. Переписывают с чужих новостных лент бесконечно ценную информацию о Дэне Брауне и Фредерике Бегбедере, получают в местном комитете по печати субсидии и гордо несут себя.

Такими темпами деградации, поощряя бездарей и рвачей, мы скоро скатимся от «областной судьбы» до убогого райцентра, откуда всякий хоть на что-то способный человек мечтает немедленно сбежать.

Впрочем, уже бегут.

Оставшимся – скидки не будет. Их удел, как всегда, жить в бедности и равнодушии, гордо исполняя свой – неведомо кому – долг.

О чем шелестят листочки

Стоп, я не поняла – так мы больше не удваиваем, что ли, ВВП?

Мы же собирались его, ВВП (внутренний валовый продукт), удвоить к какому-то году. Вот не скажу, к какому, – давно длится русский спектакль, так что не только высокохудожественные детали, но и основной сюжет что-то слабо держится в голове.

Я в экономике не понимаю ничего. Поэтому запомнила только пафосно-торжественный и вдохновенно-самоуверенный вид высоких начальственных лиц, обсуждавших – совсем недавно! – это самое грядущее удвоение ВВП. Что бумаги, электронных полей и эфира извели, удивительно! В результате на днях нам сообщили, что наш ВВП – ликуйте, смертные, – снизится в 2009 году не на двенадцать процентов, как о том твердили пораженцы и диверсанты, а всего на семь...

О-хо-хо... шелестят, шелестят листочки...

Если представить себе русское общество в виде дерева, то я, мать двоих детей, среднего достатка, живущая своим трудом, расположена где-то внизу ствола, ближе к корневой системе. И довольно спокойно, отчетливо понимая, что если я и мне подобные рухнем – рухнет дерево, я слушаю «шелест листочков» – то есть лепет начальства.

Я же понимаю, что листочки нужны для приличия и красоты, что не они определяют жизнь дерева – а жизнь дерева определяет их, и вместе с тем каждый раз изумляюсь их своеобразию. Наши начальственные листочки явно склонны воображать, что они живут самостоятельной жизнью и могут повлиять на ствол и корни. Эту горячечную мечту поселяют в них некие ветры, гуляющие в пространствах, загадочные ветры, о которых нам внизу ничего не понятно. Известно только, что когда ветер дует – листочки шелестят, а когда ветер стихает, листочки умолкают. И даже как будто вовсе забывают, о чем они шелестели только что.

Вот подул ветер, наверное сирокко, – и внезапно зашелестела идея о том, что в России слишком много пьют, вдвое превышая критическую черту потребления, и все это безобразие надо срочно прекратить.

Ужасно!

Немыслимо!

Так пить нельзя!

Дня три шелестели наши листочки. Я на момент даже вздрогнула, вспомнив 1985 год, – ну всё, началось. Ведь вроде бы существует огромная государственная машина пропаганды, сейчас цена бутылки водки превысит стоимость нового романа Марининой, во всех эфирах начнется лютая борьба с алкоголем, и с утра до вечера станут показывать картину Динары Асановой «Беда» 78 года, потому что больше показывать насчет ужасов алкоголизма у нас нечего... Однако картина «Беда» так и осталась в недрах Госфильмофонда, а новый роман Марининой по-прежнему дороже «книжки в стеклянной обложке», как ласково называли водочку интеллигентные алкаши 70-х. Шелест листочков смолк так же внезапно, как начался.

Вместо сирокко задула какая-то трамонтана.

Президент России написал статью о том, что стране надо двигаться вперед, и призвал народ высказывать новаторские идеи насчет целей и направлений Большого Движения.

Правда, его мысли размещались в Интернете, стало быть, значительная часть ствола и корней русского дерева их просто-напросто не услышала. А услышали их, естественно, постоянные обитатели интернет-клиники и, конечно, рьяно принялись высказывать новаторские идеи, поскольку уж чего-чего, а дефицита новаторских идей насчет будущего России в Интернете не предвидится. Эта разновидность абсурда вообще на втором месте по объему инет-испражнений после, разумеется, грязной ругани между инет-мужчинами и инет-женщинами.

Идеи футуриста Калашникова показались президенту настолько занимательными, что он отдал их распечатку своей администрации, дабы та отыскала здоровое зерно и при случае посеяла его в русском поле. Для грядущих всходов.

Русское поле – это же волшебное поле, на нем и не такое прорастало. Подумаешь, Калашников! Испугали! Мы семьдесят лет строили общество, где от каждого будет по способностям и каждому – по потребностям. Почти уже построили, между прочим, потому что правильно догадались, с какого конца долбить это уравнение: довести людей до такого состояния, чтоб у них уже не осталось ни способностей, ни потребностей... И Калашникова мигом воплотим, делов-то.

Администрация, с удовольствием кивая, поняла дело так, что с алкоголизмом мы уже не боремся (ура, пронесло!!!), а отыскиваем зерно в грезах Калашникова, что является в тысячу раз более осмысленным делом. Правда, смысл борьбы с алкоголизмом вообще-то стремится к нулю, так что если стремление к нулю умножить на тысячу, то в результате получится...

Но тут стихла трамонтана и повеял бриз!

Бризом этим сдуло обезумевшего от счастья футуролога Калашникова обратно в инет-клинику, откуда его на нашу голову выпустили, и навяло куда более нажористую грезу – что США, оказывается, давний друг России, а НАТО – естественный и возлюбленный ее партнер...

О-хо-хо... Из-за близости к корневой системе я знаю, как тяжело, медленно и трудно растет дерево. И дело не в новомодных идейных поветриях, не в скороспелых кампаниях по борьбе, даже не в политической и экономической системе, а в том количестве солнца и воды – то есть РАЗУМА И МИЛОСЕРДИЯ, – что выпадают нашему дереву. Чтобы здесь добиться каких-то заметных результатов, нужна суровая и терпеливая последовательность, а не эйфорический шелест в порывах ветра.

(Вот алкоголики, к примеру, отличаются именно этим. То есть суровой, терпеливой последовательностью. Если человек решил спиться, его уже вряд ли с этого пути собьешь...)

А давайте-ка спланируем на бреющем полете сверху вниз, от кроны к земле, скажем, в прилегающую к федеральной трассе деревню Ушаки Ленинградской области. Где несколько лет машины сбивают детей, потому что нет светофора, а большинство наших водителей, как известно, на пешеходных переходах не тормозят, хоть их штрафуй, хоть сажай, хоть кол им на голове теши, хоть их кастрируй.

Нет светофора. Гибнут дети. Жители ходят по зебре, митингуют. Они пишут в инстанции много лет, они даже президенту писали – без толку... Четырех детей накануне сбили – и вот, светофор обещан!

...Листочки, листочки, о чем вы опять шелестите?

Сокол!

Либерально-демократической партии России исполнилось двадцать лет. На съезде ЛДПР был вновь выбран ее бессменный председатель – Владимир Вольфович Жириновский. Всё это факты. Всё это – фантастика.

Он подошел к карте России, о чем-то задумался, обвел указкой контуры страны и от всего сердца воскликнул:

– Тут жить нельзя!

Все, в принципе согласные с этим утверждением, замерли, потому что никто на свете не может предугадать, куда заведет Владимира Вольфовича его пламенная беспокойная мысль.

– Здесь холодно. Самое холодное место на земле!

И Жириновский прямо на глазах закрутил. Как будто вот здесь, вот сейчас личной своей кожей ощущая, как холодно и грустно в России.

– Почему же наши предки оказались здесь?

И он реально задумался...

И я задумалась...

Я знаю, многие из вас смотрят на итоги очередных выборов и поражаются – опять у Жириновского восемь процентов, десять процентов, двенадцать процентов, да кто же за него голосует, что за чудачки! – ну что ж, объяснимся.

Я – избиратель Жириновского с многолетним стажем.

Я гневаюсь, когда Владимира Вольфовича – с его-то пятью проходками в Госдуму! – называют шутком и скоморохом. Вместе с тем я понимаю, что все наши политические деятели, как бы плохи или хороши они ни были, находятся в одном измерении – а Жириновский в другом.

Такое впечатление, что он нереален. Как сотканный из воздуха Коровьев в романе Булгакова. Или, если помните, был фильм «Кто подставил кролика Роджера», где на равных правах на экране существовали живые актеры и нарисованные персонажи, «мультики». Вот и Владимир Вольфович кажется мне таким фантастическим существом, который вроде бы живет в действительности – но действительностью не является.

На выборах председателя ЛДПР был подан один голос против Жириновского – и это был голос самого Жириновского. «Не люблю, когда все единогласно!» – объяснил вождь. Обычно политики строго разграничивают серьезное и смешное, выделяя для шуток особые маленькие зоны, – Жириновский так не может. Он пропитан юмором весь насквозь. Недаром даже в стальных глазах Владимира Путина появляется что-то вроде ласковой улыбки, когда он смотрит на Владимира Вольфовича.

Не представить себе Думы без него. Сколько он будет жить и здравствовать – столько будет сидеть волшебным мультком среди плотных, смертельно серьезных, тяжело ворочающих чугунными мозгами.

«Пусть курит наш народ! Курить и пить каждый день всем – это единственное спасение, чтоб меньше было самоубийств. Кончат курить – все будут вешаться!» (*из речей ВВЖ*).

Жириновский – действительно оппозиция. Только не политическая. Тут что-то другое!

Он противостоит не идеям, не поступкам своих политических противников – а самой сути, самому стилю их игры. Заметьте, к концу века многим казалось, что игра лидера ЛДПР сыграна, что он исчерпал свои возможности, что наступили иные времена. Но чем меньше было в поведении новых лидеров искренности, естественности, живых реакций – тем больше рос, наливался новыми силами и блистал Владимир Жириновский.

«Кросс-полярные маршруты», «деверсификация», «монетизация», «нанотехнологии»... Хочется беззлобно спросить: сынки, а по-русски никак? Никак! Движения новой России по-

русски необъяснимы – таковы уж превратности нового менеджмента. Когда надо обязательно делать хмурое научное лицо и сыпать терминами. Дескать, мы не просто грабим природу и вырождаемся – а с помощью специальных знаний и висо-о-о-о-оких технологий.

Тут и вырастает Жириновский – который, без сомнения, явление русской разговорной речи.

«Жизнь человеку дана один раз, и прожить ее нужно в городе Сочи» (*из речей ВВЖ*).

Выдающийся демагог. Такой украсил бы даже блистательные ряды демагогов афинской демократии, римской империи, французской революции. Для демагогии – то есть искусства разговаривать с массами – прежде всего нужна энергия. Настоящая энергия, которая залегает в природе личности. Здесь ВВЖ равных нет.

Даже если он начинает речь вяловато, полусонно – через несколько секунд, можете не сомневаться, из глубин пойдут клубы пара, засверкает огонь, а потом и лава начнет извергаться. От сотрясающих его энергетических вихрей у ВВЖ вечная проблема с галстуками – они сбиваются набок, воротничок рубашки начинает топорщиться, по пиджаку словно пробегают волны. Заработало!

«И что они сделали за десять лет? У них было столько денег, сколько у России никогда не было, ни у царской России, ни у Советского Союза, и что они сделали? Ничего! Ни одной дороги не построили, даже эту, свою родную, Москва – Петербург, шестьсот километров всего, и то не построили. Где деньги? Только сидит эта Голикова, бухгалтер, и плачет».

Ведь всё правда! Только не горькая, не ужасная, а – пока ВВЖ говорит, только на этот момент! – забавная.

Он что-то делает с действительностью. Как-то ее преобразует на мгновение. Это – свойство искусства. И ВВЖ – явление искусства. Когда его видишь и слушаешь, жизнь кажется интереснее, веселее, хитрее, умнее, забавней, ярче, неожиданней, чем в сводках новостей или в речах политических лидеров.

Жириновский – протест русского духа против скуки. Сокол прикола.

Нисколько не сомневаясь в его умственных и деловых способностях – карьеру он сделал фантастическую! – я ценю в Жириновском именно это свойство.

«Мне Саддам Хусейн ни одного динара не дал. Если бы дал, я бы взял» (*ВВЖ*).

Личность! Причудливая, странная, с фокусами и вывертами личность, которой вряд ли можно доверять, острая, артистичная. И действует там, где личностью уже вовсе не пахнет, среди серых, пригнувшихся, одинаковых, стереотипных, тоскливых до смерти. Победа индивидуальности над заштампованными мозгами, лицами, реакциями. (Не потускнел за двадцать лет нисколько, наоборот – расцвел.) Конечно, если бы он еще был добр, мудр, правдив, бескорыстен, честен и справедлив – о! что было бы тогда! Наверное, это называлось бы второе пришествие Христа.

Чего нет, того нет. Есть Жириновский. Не орел, конечно, но уж сокол – это точно.

Воистину Октябрьская!

Вот уже 65 лет как по большому счету на нас никто не нападает, не правда ли? Однако «чувство уверенности в завтрашнем дне» что-то несильно прирастает у граждан РФ. Неважно обстоят дела даже с чувством уверенности в сегодняшнем дне.

Видимо, мы напрасно приравнивали свое историческое времяисчисление к тем векам, что расставила Европа. Это у них там были Средние века, Возрождение, Новые и Новейшие времена.

У нас же явно было и есть что-то другое.

Например: это в Средние века в Европе проездные пути-дороги были источником постоянной опасности. На дорогах свирепствовали разбойники. Хозяева постоянных дворов драли с проезжающих лютую мзду. Передвижение в пространстве было делом героическим.

Теперь, если нет форс-мажора, картина в Европе достаточно мирная.

У нас не так. Не знаю, как дела обстоят на всех направлениях движения, но уж нравы Октябрьской ЖД мне более-менее известны. Это воистину Октябрьская дорога! Такая же мало вежливая с простыми гражданами, как ее историческая тезка – Октябрьская революция. Когда только ступаешь на Московский ли, Ленинградский ли вокзал, становится ясно: караул, грабят!

Если в городе доллар (покупка) стоит, скажем, 30 рублей – здесь будет 34.

Если в городе дурацкое криминальное чтиво в бумажной обложке стоит 80 рублей – здесь будет 170.

Бутерброд с подкрашенной семгой возрастет в цене вдвое.

Чайник зеленого чая в кафе – и тот угрожающе зарычит: подавай 300 рублей!

Стоимость всех газет автоматически удваивается и даже утраивается.

То есть пассажира предупреждают прямо на вокзале, что он попал в особую зону ценообразования. Что здесь только раскошеливайся, потому что пути-дороги если не прямо в руках у разбойников, то, видимо, выплачивают им постоянную дань. Состригая ее, эту дань, разумеется, с пассажиров.

Эту хищную, разбойничью повадку РЖД даже и не думает чем-то прикрывать.

Вот как раньше назывались дневные поезда из Петербурга в Москву?

Сначала была «Аврора» (заря то бишь) – нежно, мечтательно.

Потом явился «Невский экспресс» – нейтрально.

Их больше нет. Отменили. Теперь есть «Сапсан» и только «Сапсан» – а сапсан птица хищная, питается мелкими животными. Надо думать, это мы с вами.

Билет на «Сапсан» стоит дороже, чем билет на самолет. Но это теперь единственный дневной поезд меж столицами, так что нравится не нравится, бери, моя красавица. Примерно 100 долларов за билет, в каждом вагоне не меньше 50 пассажиров, вагонов 9–10. Считайте сами, каков доход с одного только поезда.

Что вы получаете за свои деньги?

Проводников в старинном слове больше нет. Пробегают иногда какие-то девушки, у которых никакого чаю не спросишь, потому что его не существует. Курить нигде нельзя, поэтому пассажиры с хитрым и виноватым видом скрываются в туалете. Нет и вагона-ресторана, к чему РЖД лишний расход. Есть бистро в пятом вагоне (сэндвич с бужениной – 130 рублей) и тележка, медленно движущаяся меж кресел, так что некоторые, сидящие в невезучих вагонах, успевают выпить кофе только к концу путешествия.

Тележка движется медленно, потому что за кофе и другие кошмары берут денежку. Если в самолете вам все-таки нальют поила бесплатно, ибо вы уже заплатили-переплатили за этот кофе и другие кошмары, покупая билет, то РЖД не намерено упускать пассажира, не выдоив его полностью.

Попался гусь – терпи! Это дорога темная, разбойничья. Нечего вообразить себя «клиентом, который всегда прав».

В шестом вагоне вместо вешалки для верхней одежды сидит кассир, готовый вам продать прямо в поезде билеты на прочие направления РЖД.

В задаче спрашивается: куда пойти поплакать? В Антимонопольный комитет? Но непонятно, образуют ли дневные поезда на Москву то, что этот комитет должен защищать? Ведь это не тарифы ЖКХ, вроде есть другие варианты передвижения – ночные поезда, самолеты. Обложили круто, но ведь не до беспросветности!

Сначала, когда «Сапсан» только начал свой хищный полет, авиаперевозчики круто снизили цены, и можно было долететь до Москвы за фантастическую сумму в 800–1000 рублей. Но, видно, кое-кто кое с кем пошептался, и счастливый для пассажиров демпинг накрылся.

Это вам не 90-е годы! Начальники научились договариваться без трупов. Тихо, по-свойски. Это же отдельная популяция в населении – начальники. У них все свое: жилища, питание, развлечения, мировоззрение. Это не бандитский беспредел, а единая Россия. Монополию на стрижку человеко-овец в суровых боях отвоевало само государство. А государевы люди меж собой разбираются в новой манере, без пальбы. Где-нибудь в закрытых спорткомплексах за заборами в три метра вышиной. Там звучат бессмертные тексты вроде «Ты на кого, сука, батон крошишь?», но никакие сценаристы уже подслушать этого не могут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.